

Чай Цзыжань рассмеялся:

— Время уже позднее, и сейчас, к счастью, никто не бьёт в барабан, чтобы пожаловаться на несправедливость. Матушка Хуа, веди нас скорее ужинать!

Матушка Хуа на мгновение бросила на Чай Цзыжаня злобный взгляд, затем плюхнулась на пол и закатила истерику:

— Кто сказал, что нет жалобщиков? Я и есть та, кто пришёл с жалобой! — Прикрыв лицо веером, она всхлипнула:

— Господин уездный судья! У меня великая несправедливость! Очень, очень великая.

Чай Цзыжань и Мо Цзюцзюнь переглянулись, после чего каждый вернулся на своё место. Мо Цзюцзюнь громко ударил судейским молотком и, нахмурившись, произнёс:

— Начинаем суд.

Стражи по обеим сторонам зала тут же убрали улыбки, лица их стали серьёзны. Они застучали палками об пол, издавая ритмичный звук, и закричали:

— Вэй-вэй-вэй... У-у-у...

Матушка Хуа опустила на колени и начала жалобно выть, звук был полон крайней обиды. Её влажные, весенние глаза, полные невысказанных слов, устремились на Мо Цзюцзюня в верховной части зала суда. Чай Цзыжань, видя, как от того пышет холодом, с трудом выдавил:

— Матушка Хуа, ты же ещё не угостила нас обедом! Почему же теперь у тебя вид, будто ты потеряла и войско, и полководца? Неужели единственный терем в уезде Суюй не может найти немного серебра, чтобы угостить нашего уездного судью?

Матушка Хуа вытерла слёзы рукавом, украдкой взглянула на молчащего Мо Цзюцзюня и печально произнесла:

— Секретарь Цзыжань, ты не знаешь всей правды! Господин Цзюцзюнь обладает крепким здоровьем и... степен, могуч. Его ночное мастерство, несомненно, необычайно. Если он посетит мой «Терем Хуахуа», мои девушки, повидавшие несчётное число мужчин, наверняка потеряют и тело, и сердце, а то и жизнь.

Чай Цзыжань, не поняв, спросил напрямик:

— Господин Цзюцзюнь и вправду степен и благороден. То, что девушки из терема могут потерять голову и тело, я ещё как-то понимаю. Но потерять жизнь? С чего бы?

Матушка Хуа презрительно окинула взглядом довольно худощавую фигуру Чай Цзыжаня и сокрушённо молвила:

— Секреты любовных утех такие, как ты, господин Цзыжань, скряга, никогда не поймёшь, ведь на это нужно тратить серебро. — Тоскливо глянула на мощную грудь Мо Цзюцзюня, где серебряный волк походил на царя лесного. Щёки Матушки Хуа, густо нарумяненные, залились странным багрянцем. — Только такой, как господин Цзюцзюнь... поймёт. — Смущённо добавила:

— Он же женщин до смерти в постели замучает. — Закрыв лицо руками, она разрыдалась:

— Бедные мои девушки, даже не знаю, сколько их за ночь может... умереть, уууууу!

«...» Чай Цзыжань украдкой взглянул на Мо Цзюцзюня, увидел, что тот тоже смотрит на него, поспешно подавил любопытство и строго сказал:

— Матушка Хуа, не отвлекайся, говори по сути!

Едва он это произнёс, Матушка Хуа снова захныкала.

Начать нужно с самого начала. Уезд Суюй окружён восемью горными вершинами — место, которое обычно очень любят разбойники. Но из-за близости к столице ни у кого из них не хватило бы духу бесчинствовать здесь просто так. Разбойников с медвежьим сердцем и барсучьей желчью действительно не нашлось, но те, кто эти сердца и желчь съел, — такая ватага имелась.

Они нарушили правило разбойников нападать на многолюдные и богатые караваны, и вместо этого специализировались на одиноких путниках, у которых мало людей и денег. С точки зрения разбойничьего ремесла это было крайне бесславно. Но именно благодаря своей бесславности, скромности и малой известности они и жили на этих горах припеваючи, изредка захватывая простолюдинов на подённые работы, чтобы те обрабатывали поля, — и никто не желал с ними связываться.

Семь дней назад из столицы прибыл богатый молодой господин. В одиночку, с одной лишь пикой, он отважно пустился в путь через «Переправу Восьми Бессмертных». Времена были трудные, урожай, посаженный разбойниками в горах, ещё не созрел, и они вышли подзаработать, пограбить. Как раз и наткнулись на одинокого молодого господина, пересекающего горы. Не успели они и двух слов заклинаний сказать, как обе стороны сразу схватились в драке. У того молодого господина было немало умения, он избил нескольких ограбивших его разбойников так, что те взвыли, связал всех одной верёвкой, привязал к крупному коню и неспешно продолжил путь.

Путь был не быстрым, но и не медленным. Однако разбойников было не несколько человек. Пройдя одну гору, он наткнулся на другую ватагу. Враг превосходил числом, враг скрывался в темноте, а он был на виду. Богатый господин столкнулся с двумя-тремя засадами, четырьмя-пятью покушениями, пятью-шестью ватагами назойливых разбойников. Хоть он и мог один противостоять сотне, против нескольких десятков человек ему было не устоять. Полагаясь на своё крепкое тело, после нескольких ударов ножом от разбойников он собрал последние силы, вонзил нож в круп коня и на взбешённом скакуне прорвался сквозь плотное кольцо окружения. Скажем, ему повезло — он всё же добрался до уезда Суюй.

Этому богатому господину везло. Конь, испугавшись, понёсся в реку Суюй. Его окатило водой, но он не ударился головой о твёрдую землю и не утонул в реке Суюй — его спасла добрая девушка, полоскавшая в реке шёлк.

История банальна, но случилась на самом деле. Та девушка привела богатого господина к себе домой, вызвала ему лекаря, чтобы осмотрел раны. Её семья была бедной, не было ни отца, ни матери, не к кому было обратиться, поэтому она занимала то тут, то там, чтобы собрать серебро на лекарства для богатого господина.

Того господина сначала как следует напугали несколько десятков разбойников, потом трясло на лошади неизвестно сколько времени. Он уже думал, что благополучно достиг места назначения, но вдруг свалился в реку Суюй, хлебнул несколько глотков воды — одно несчастье за другим!

Он пролежал без сознания целых три дня и три ночи, а добрая девушка, не смыкая глаз, ухаживала за ним три дня и три ночи. Но на четвёртый день девушке пришлось выйти на работу, иначе откуда взять серебро на лечение богатого господина? Она ушла, а когда вернулась, богатый господин бесследно исчез. Прошло ещё три дня, и та добрая сердцем девушка наконец встретила в уезде Суюй того удачливого богатого господина. Но тот её совсем не узнал и даже вместе со стоявшей рядом девушкой унизил свою спасительницу.

Оскорблённая добрая девушка вернулась домой к голым стенам, залилась слезами, да ещё должна была возвращать занятые на лекарства деньги. Столкнувшись с упрёками родных, она не выдержала и прошлой ночью бросилась в реку Суюй, покончив с собой. По странному совпадению, спас её опять тот самый богатый господин. Богатый господин был человеком военным, обычно презирал таких невежественных женщин, что по любому поводу лезут в петлю, и с этой девушкой тоже не стал церемониться, хорошенько её высмеяв.

Матушка Хуа не смогла стерпеть, что добрая девушка и серебро потеряла, и обиду приняла, потому и пришла с барабанной жалобой. Она с негодованием сказала:

— Тот богатый господин с виду как человек, а глаза, видать, у него говном замазаны, из-за чего наша Хуахуа страшную обиду приняла. — И с горечью добавила:

— Господин уездный судья, какая же великая несправедливость! Добрая девушка спасла негодяя, будто пса спаси, но деньги-то на лекарства лекаря должны же вернуть. Умоляю, господин уездный судья, рассудите!

Чай Цзыжань спросил:

— Девушка Чжан Хуахуа — первая красавица «Терема Хуахуа». Разве она не может позволить себе немного серебра на лекарства?

Матушка Хуа, надув губы, всхлипнула:

— Виновата наша Хуахуа, что судьба у неё несчастливая. В юном возрасте осталась без отца и матери, чтобы похоронить родителей и присмотреть за старенькой бабушкой, продала себя. А ведь девушка она хорошая — какая женщина захочет опуститься до ремесла продажной? Какая женщина захочет ради куска хлеба ложиться под мужчин? Какая женщина захочет каждый день сносить ругань вроде «вонючая шлюха», «подлая потаскушка», «бесстыжая дрянь»? Просто выхода не было. Мы все — женщины с несчастливой судьбой, если не будем продавать тело, песни и улыбки, с голоду помрём на улице. — Она с яростью дёрнула веер, словно хотела разорвать его в клочья. — А тот богатый господин тоже неженка оказался, за несколько дней обморока потратил пятьсот лян. Не только все сбережения нашей Хуахуа опустошил, но ещё и в долги её вогнал.

— Пятьсот лян? — Чай Цзыжань онемел. — Он что, с золотой каймой? Такие дорогие!

Пятьсот лян серебра обычной семье хватило бы на несколько лет экономной жизни.

Матушка Хуа поддакнула:

— С виду будто с золотой каймой, а внутри — избалованный болезненный чёрт.

Мо Цзюцзюнь ударил судейским молотком, прервав их праздную болтовню:

— Где сейчас эта девушка, как её зовут, может ли она сама явиться в суд для дачи показаний?

Матушка Хуа вздохнула:

— Когда Хуахуа вытащили на берег, она была уже еле жива. Я только что навещала её у неё дома — была прекрасная девушка, а теперь лежит, бледная, как призрак, даже с постели встать не может.

Чай Цзыжань повернул голову к Матушке Хуа:

— Ты сказала, что после исчезновения богатый господин появился рядом с одной девушкой, и та девушка вместе с ним оскорбила Чжан Хуахуа. Кто эта девушка?

Матушка Хуа, стиснув зубы, ответила:

— Это подленькая Чжу Чжу, дочка мясника Чжу.

<http://bllate.org/book/15931/1423924>